

О причинахъ голода въ Россіи.

Почему произошло крушеніе большевизма? Мы думаемъ, что этотъ вопросъ законенъ именно въ поставленной формѣ „прошедшаго времени“ : гибель коммунизма, какъ хозяйственно-соціальной системы, уже не отрицается и создателями его

Но, ставя такого рода вопросъ, необходимо точнѣе формулировать его смыслъ. Прежде всего мы говоримъ о коммунизмѣ, какъ объ опредѣленной соціально-экономической системѣ, совершенно отвлекаясь отъ того, что, можетъ быть, относится къ субстанціальнымъ признакамъ с-мого явленія, но что въ данной связи не привлекаетъ нашего вниманія. Такимъ образомъ, большевизмъ, какъ теорія и практика жестокаго и откровеннаго насилія, пренебрегающаго всѣми индивидуальными особенностями тѣхъ народовъ и индивидовъ, которые жесточайшими мѣрами воздѣйствія загоняются въ стойла социалистическаго хлѣва, политической опытъ дѣйствительно осуществленнаго коммунизма, лежитъ сейчасъ внѣ границъ нашего зрѣнія. Мы сознаемъ, что вѣроятно этотъ подлинный ликъ социалистическаго государства, исторически однажды лишь сдѣлавшагося быгомъ великой страны, послужилъ основой дѣйствительнаго отвращенія многихъ тысячъ людей изъ культурныхъ слоевъ общества, съ оружіемъ въ рукахъ бросившихся на борьбу съ „большевизмомъ“. Но будемъ же откровенны и скажемъ, что если этими мотивами опредѣлялась линия поведенія наиболѣе культурныхъ слоевъ и ихъ вождей, то широкія массы рядовыхъ бойцовъ антибольшевистскаго лагеря рукъ водились идеологіей другого порядка. Народныя массы, насколько они активно участвовали въ борьбѣ съ большевизмомъ, вели борьбу не за свободу челоуѣческой личности, не за правовое государство, не за возрожденіе великой отчизны, не за очищеніе поруганной святыни церкви, онѣ боролись за тотъ минимумъ экономическаго благосостоянія, который обезпечиваетъ самое существованіе, ибо таковое коммунизмомъ не обезпечивалось.

Почему же коммунизмъ не могъ обезпечить этого минимума и погибеть, доведя величайшую страну сельскаго хозяйства до такого голода, правильное представленіе о которомъ даютъ не историческія сопоставленія съ бѣдствіями 90-хъ или 70-хъ годовъ, а библійскія сказанія и пророческій гнѣвъ? Обвиняемые въ доведеніи Россіи до послѣдней черты нечеловѣческихъ страданій сошлутся на разрушеніе народнаго хозяйства страны въ годы великой войны, на послѣдующія

трудности возстановленія этого хозяйства въ періодъ продолжающихся гражданской войны и блокады Россіи, наконецъ на то, что „Совѣтская власть управляетъ людьми, а не природой“, на стихійный характеръ неурожая.

Насколько серьезны эти аргументы защиты и самозащиты, не скрывается ли за этими „пунктиками“ совсѣмъ иная причина, которая сама по себѣ цѣлкомъ объясняетъ все происходящее и привела бы Россію подъ большевниками къ тому же страшному концу, даже если бы не было раньше внѣшней войны, а послѣ — гражданской междоусобицы и тяжелаго недорѣда?

Какъ разъ опытъ мучительно-долгой и разрушительной гражданской войны показалъ насколько велики были силы русскаго народнаго хозяйства. Тогда какъ всѣ участвовавшіе въ войнѣ народы, и побѣдители и побѣжденные, испытывали по окончаніи войны очень серьезныя затрудненія вслѣдствіе оскудѣнія, явившагося необходимымъ слѣдствіемъ войны, Россія вела еще два длинныхъ года войну только на русскіхъ земляхъ, только за счетъ силъ и средствъ русскаго народа. Не ясно ли, что если бы 1919 и 1920 года были не годами добыванія русскаго народа и народнаго хозяйства, если бы энергія воли направлена была не на разрушеніе, а на возстановленіе и воссозданіе Россіи, даже не вся эта энергія, а только часть ея потекла бы по руслу творчества, 1921 г. не была бы самой низкой точкой русскаго упадка. Во всякомъ случаѣ очевидно, что внѣшняя война не ослабила народнаго хозяйства Россіи больше, чѣмъ это волею другихъ участниковъ борьбы, и поскольку послѣдніе смогли къ настоящему времени преодолѣть острые послѣдствія міровой войны, постольку существуетъ полная увѣренность, что Россія благополучно пережила бы тягостный переходный періодъ.

Такъ же лживы попытки переложить свою отвѣтственность авторозъ лозунга „да здравствуетъ гражданская война!“ на бѣлогардейцевъ и контръ-революціонеровъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что гражданскую войну вызвала, выносила и вскормила та же группа лицъ, которая, овладѣвъ, наконецъ, властью надъ всей страной, довела цѣлую Россію къ общей братской могилѣ. Въ отличіе отъ внѣшней войны, гражданская война въ гораздо меньшей долѣ затронула народное хозяйство страны. Очень скоро деревня поняла, что ей съ коммунистами не по пути. Большевики выполнили очень быстро свою историческую миссію: они дали мужикамъ „похабный“ миръ и столь же похабно дали имъ землю. Таившееся въ сознаніи — даже больного отъ усталости — народа сознаніе, что безчестно разбѣжаться съ фронта по хатамъ успокаивалось тѣмъ, что хоть большевистская, но все же власть освобождала отъ обязательства оставаться на этомъ окончательно опустыленномъ фронтѣ. Еще сдерживаемая разбойная страсть захватить чужія земли и раскрасть чужой инвентарь нашла широкій выходъ въ позволеніи начальства, декретомъ разрѣшившаго грабежь и захватъ

На этомъ, однако, и кончается романъ деревни съ большевиками. Больше уже коммунисты ни на что не нужны мужикамъ, но такъ какъ они продолжаютъ существовать и даже очень „докучаютъ“ крестьянамъ, то тѣ либо слабо огрызаются, либо притворяются примирившимися, но и въ томъ и въ иномъ случаѣ строятъ свою жизнь на принципѣ полного игнорирования власти и центровъ ея, городовъ. Уже это одно приводило къ тому, что народъ слабо участвовалъ въ гражданской войнѣ.

Гражданская война шла почти исключительно по главнымъ линиямъ желѣзнодорожныхъ путей и это преимущественно „городское“ направленіе движенія гражданской войны также въ немалой степени способствовало тому, что борьба не проникала въ народную толщу, что участвовали въ активныхъ операціяхъ не массы и множества вѣйшей войны, а болѣе или менѣе активныя меньшинства.

Своеобразное воздержаніе деревни могло привести къ тому, сельское хозяйство Россіи мало испытало бы разрушительное воздѣйствіе гражданской войны, если бы въ качествѣ величайшаго фактора разрушенія не выступала сама большевистская власть. Гибель народнаго хозяйства страны вызвана была не гражданской войной, а попытками осуществленія социалистическаго строя. И тѣ социалисты всѣхъ мастей, которые склонны сейчасъ объяснять стрясшія надъ Россіей бѣдствія только тѣмъ, что власть досталась не имъ, „мягкимъ“ представителямъ эволюціоннаго на практикѣ социализма, а „жесткимъ“ революціоннымъ проводникамъ этой доктрины, глубоко не правы. Ибо бѣдствіе коренится въ самой осуществляемой доктринѣ. А проводятъ ли безумную идею тихіе идиоты или буйные помѣшанные, это совершенно безразлично для конечнаго эффекта: раньше или позже, мягче или жестче, но здоровые люди будутъ гибнуть въ госуларствѣ, построенномъ сумасшедшими по образцу дома для умалишенныхъ.

Для чего нужна была крестьянамъ помѣщичья, церковная, монастырская и государственная земля? Для того, чтобы увеличить благосостояніе самихъ крестьянъ. Интересы социальнаго цѣлаго, народа, государства такъ же мало интересовали мужиковъ при захватѣ земель и грабежѣ усадебъ, какъ мало интересовали солдатъ судьбы Россіи, когда они разбѣгались по домамъ дѣлить землю. Но у мужиковъ была при этомъ простая и крѣпкая „мужицкая“ мысль: увеличивъ запашку, они произведутъ большее количество продуктовъ, реализація которыхъ дастъ имъ избыточное сравнительно съ прежнимъ благосостояніе. Въ ихъ идеологіи не было ничего недоговореннаго, только ихъ толмачи, выбравшіе въ своей же партіи патентъ на непогрѣшимое знаніе нѣдръ крестьянской психики, с.-р'ы, говорили въ лунатическомъ бредѣ о „ничьей“ землѣ, о „Божьей“ землѣ. Сами крестьяне пользовались этой бредовой фразеологіей, чтобы подчеркнуть, что землю необходимо забрать у помѣщиковъ, разумѣется для передачи въ собственность имъ, крестьянамъ. Но въ крестьянскихъ притяза-

ніяхъ своекорыстныхъ стремленія и побужденія сочетались съ элементами экономическаго прогресса: мы произведемъ больше хлѣба и улучшимъ свое благополучіе; увеличеніемъ количества хлѣба мы окупимъ увеличеніе нашего благосостоянія. Это значило, что крестьяне не только будутъ большіе участки запахивать, но и лучше, чѣмъ раньше обрабатывать землю.

Идеологія с-р'овъ была фантастической по предпосылкамъ и реакціонной по результатамъ. Земля, не принадлежащая въ собственности мужику, должна была дать большіе результаты, чѣмъ если бы она была объектомъ его личной собственности, при чемъ результаты увеличеннаго сбора должны были улучшить благосостояніе всего общества и только въ соответствующей долѣ и участи непосредственно увеличившихъ свои трудовыя и капиталныя затраты обрабатывающихъ землю крестьянъ. Можетъ быть, по указаннымъ высокимъ побужденіямъ и стали бы обрабатывать землю интеллигентскія коммуны, состоящія изъ сотрудниковъ с-р.'овскихъ журналовъ, но живой крестьянинъ, такой какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, а не въ миражахъ с-р'овъ, не захотѣлъ работать по партійному рецепту с-р., воспринятому Ленинымъ со свойственной ему тактической смѣткой.

Соціалисты живутъ въ мірѣ фантомовъ, оттого они и превращаютъ живыхъ людей въ умирающіе призраки, а цвѣтущія области въ населенныя призраками пустыни. По проекціямъ своихъ нѣжныхъ и человѣколюбивыхъ душъ они построяютъ стимулы своихъ хозяйствующихъ субъектовъ, будучи отъ вѣка безсеребренниками, они съ ненавистью относятся къ капиталу, какъ производственному фактору и недооцѣниваютъ накопленіе, повидному надѣясь на манну небесную, постоянный элементъ царства Божьяго, хотя бы и на землѣ.

Когда въ реальной обстановкѣ исторической дѣйствительности крестьянинъ увидѣлъ, что расширеніе площади посѣва путемъ вовлеченія въ обработку помѣщичьей земли не сулитъ ему увеличенія личныхъ благъ, онъ ограничивался засѣвомъ своего клочка, несмотря на то, это въ что время въ городахъ шумѣли на всѣхъ разрѣшенныхъ коммунистическимъ начальствомъ сборищахъ, что недосѣвъ есть предательство интересовъ крестьянъ и рабочихъ. Когда крестьянину стало ясно, что горожане, ничего не производя, ничего не могутъ предложить ему въ обмѣнъ на продукты его труда, онъ ограничился производствомъ въ размѣрахъ удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей. Послѣднія нѣсколько возрасли, но общій объемъ ихъ значительно сузился, такъ какъ выпалъ подлинный стимулъ всякаго хозяйственнаго прогресса: накопленіе. Соціалисты не понимаютъ, что организаторъ хозяйства актомъ личнаго присвоенія результатовъ производства и послѣдующимъ накопленіемъ выполняетъ величайшую соціальную функцію. Въ ихъ представленіи чистыхъ потребителей, которымъ чужда радость производства и гордость творческихъ элементовъ хозяйства, капиталистически хозяйствующій субъектъ просто потребляетъ излишки не имъ произведенныхъ продуктовъ.

Они не видят, что „капиталист“ не только живетъ въ дворцѣ, ѣздитъ на автомобиль, но и расширяетъ предпріятіе, т. е. увеличиваетъ общій запасъ благъ и, тѣмъ увеличивая „выработку“ всего общества, повышаетъ уровень его благосостоянія. Рабочіе русскихъ столицъ и, вѣроятно, всѣхъ городовъ Россіи поняли теперь, наконецъ, что выгоднѣе удѣлить часть произведенныхъ излишковъ капиталисту, который за то будетъ слѣдить за хозяйствомъ, чѣмъ захватить предпріятіе и „сѣсть“ капиталъ. Только когда распорядителями хозяйства стали чуждые производства потребители, всѣ излишки производства доставались участникамъ производства, которые уничтожали эти излишки безостаточно въ потребительскихъ процессахъ: ничего не накапливая не только для расширенія, но даже для удержанія хозяйства на прежнемъ уровнѣ. Только при управленіи производственными процессами чистыми потребителями, только при социалистическомъ режимѣ, можно было въ буквальномъ смыслѣ сѣсть всѣ фабрики и заводы Россіи: остались лишь фабричные корпуса и тѣ орудія производства, которыя физически нельзя было вычлѣнить изъ слѣдственное благо. То же въ сущности произошло и съ домами, которыя по тѣмъ же основаніямъ обратились изъ рентабельныхъ и удобныхъ жилыхъ помѣщеній въ отвратительныя ретирарды и пещерныя ямы.

И крестьянинъ въ подѣ тяжелымъ воздействием потребительскаго режима социализма уже въ своихъ расчетахъ считался со своимъ хозяйствомъ не какъ съ производственнымъ процессомъ, а какъ съ чисто потребительнымъ. Наконецъ, производитель хлѣба усвоилъ и основную премудрость социализма: каждому члену социалистическаго братства до жива оставлять лишь такое количество благъ, которое необходимо ему для удовлетворенія его личныхъ потребностей. Умногое начальство создало цѣлое министерство статистики, тамъ все подсчитали, не забыли и старыхъ буржуазныхъ работъ о крестьянскихъ бюджетахъ и опредѣлили, „учитывая индивидуальныя особенности отдѣльныхъ районовъ социалистической Россіи“, сколько пудовъ хлѣба полагается на годъ мужику и бабѣ, парню и дѣвкѣ, лошади и курченку. Мужикъ одновременно собственнымъ умомъ и безъ помощи статистиковъ дѣлалъ ту же работу; прикинулъ умомъ сколько у него хлѣба выходитъ на годъ, расчиталъ съ какой площадью онъ такое количество соберетъ, и столько и засѣялъ.

И власть и народъ проводили принципиально ту же экономическую политику. Когда же власть убѣдилась, что крестьянство очень точно у волю потребителеское существо новаго хозяйства, а всѣ запасы произлхъ дѣтъ были подобраны до зерна, она поступилась было чистой социалистической идеологіей и чтобъ пробудить въ мужикѣ прежніе буржуазно-производительныя навыки пошла даже буржуазной стезею: излишки за покрыіемъ го ударственнаго налога остаются частной собственностью производителя, независимо отъ размѣра личныхъ потребностей производителя. Но мужикъ не могъ

принять въ серьезъ „передышку“ власти; онъ понималъ, что новыя реформы не соотвѣтствуютъ общей системѣ хозяйства, у него не было личныхъ импульсовъ клонуть на новую приманку, а главное прежняя практика просвѣтила его, что власть — нечестная, а у него никакихъ „гарантій“ противъ обмана нѣтъ.

Вотъ въ этихъ условіяхъ запущенная и заброшенная земля ничего не уродила. Конечно, коммунисты не повинны въ засухѣ, конечно это — стихійное бѣдствіе, это — отъ Бога, съ которымъ они даже въ состояніи открытой войны.

Въ условіяхъ невысокой сельскохозяйственной техники русскаго крестьянскаго хозяйства урожай и неурожай всегда бывали въ значительной долѣ факторами самодовлѣющими. Глупое самодержавное правительство царской Россіи настолько считалось съ этимъ обстоятельствомъ, что постоянно было готово на случай недорода и имѣло сельскую продовольственную часть — специальный техническій аппаратъ борьбы съ недородомъ и помощи пострадавшимъ, равно какъ постоянно имѣло готовые продовольственные запасы того же спеціального назначенія, хранившіеся въ сельскихъ общественныхъ магазинахъ всѣхъ селъ страны.

Въ томъ то и коренится разница между нынѣшнимъ величайшимъ бѣдствіемъ, постигшимъ нашу родину, и неурожаями, ранѣе бывавшими: прежде Россія имѣла народное хозяйство, сильное своимъ *производительнымъ* характеромъ, нынѣ народное хозяйство Россіи, употребляемое потребителями, совершенно неомощно. Раньше полный недородъ даже огромныхъ районовъ могъ быть преодоленъ накопленными запасами цѣлой страны; былъ транспортъ, правильно функционировавшій и какъ желѣзнодорожный, и какъ водный и какъ гужевои; былъ точный механизмъ власти, былъ налаженный санитарно-медицинскій аппаратъ; было, наконецъ, воспитанное въ атмосферѣ активной любви къ ближнему, общество.

Сейчасъ всего этого нѣтъ и трудности борьбы съ голодомъ въ Россіи безпредѣльно велики. Въ странѣ всѣ заасы сѣдены до вѣрочки, благополучные районы могутъ рассчитывать лишь на скудный сборъ урожая текущаго года. Транспортъ изношенъ до послѣдней степени и одновременно съ ввозомъ изъ чужихъ странъ продовольствія необходимо будетъ ввозить транспортныя средства для послѣдующей перевозки ввезенныхъ хлѣбныхъ грузовъ и медикаментовъ. Власть ничего не способна сдѣлать, она вызываетъ лишь смертельную ненависть и физическое отвращеніе.

Къ продовольственной кампаніи въ Россіи необходимо отнестись именно какъ къ кампаніи. Вѣдь самое это наименованіе содержитъ указаніе на близость понятій продовольственной и военной операцій. Сейчасъ же, это вѣрнѣе, чѣмъ когда либо ранѣе. Мы уже не говоримъ о томъ, что работа будетъ протекать въ условіяхъ исключительной неувѣренности и полной необезпеченности самого существованія работниковъ: гарантіи Совнаркома! кто не знаетъ, какъ это

почтенное заведение держать свое слово. Столь же мало обеспечена неприкосновенность грузовъ не только въ пути ихъ слѣдованія по Россіи, — когда мимо голодающихъ будутъ проходить вагоны или караваны съ грузами, едва ли они будутъ благоразумно дожидаться своего чередъ, — но даже въ портахъ прибытія, гдѣ базисные склады будутъ опустошаться охраняющими ихъ частями самыхъ надежныхъ красноармейцевъ. Вопросъ о внутреннихъ перевозкахъ прибывшаго изъ за границы продовольствія въ предѣлахъ Россіи одинъ изъ самыхъ трудно разрѣшимыхъ: какъ передвигать десятки милліоновъ пудовъ грузовъ, когда на желѣзныхъ дорогахъ не только нѣтъ вагоннаго парка и здоровыхъ паровозовъ, но нерѣдко и непрогнанныхъ шпаль, когда уничтоженіе и мобилизація лошадей не даетъ возможности использовать гужевой транспортъ, а о морскомъ и рѣчномъ транспортѣ вспоминаютъ лишь въ давнопрошедшемъ времени.

Троцкій грозилъ, какъ рассчитываемая прислуга, бить посуду и хлопать дверьми, когда придетъ часъ освобожденія Россіи отъ большевистскаго плѣна. Увы, эта угроза уже приведена въ исполненіе коммунистами въ размѣрахъ, которые превосходятъ воображеніе чловѣка. Почти въ 20 хлѣбородныхъ губерніяхъ страны царствуетъ смерть, и не только остальная Россія ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ не можетъ помочь остро пострадавшимъ, но даже помощь изъ за границы настолько проблематична, что голодающіе внутреннимъ чувствомъ понимаютъ, что на помощь нельзя рассчитывать.

Россія скатывается въ Азію, можетъ быть, даже въ Африку... Плодородныя земли бросаются, заростають бурьяномъ; вѣками уже осѣдлое и трудолюбивое земледѣльческое населеніе превратилось вновь въ кочевую или, вѣрнѣе, бродячую массу, и безъ скота, съ дѣтьми и скарбомъ въ рукахъ идетъ въ безвѣстныя дали, послѣднимъ крестнымъ путемъ къ кресту надъ общей могилой. Сбываются страшныя пророчества... Изъ подъ шутовскаго колпака революціи проступаетъ звѣриный ликъ русскаго бунта, безсмысленнаго и безпощаднаго.

О, большевики въ голодѣ не повинны: они „управляютъ“ людьми, а не стихіями. Но почему же Россіи 70-хъ годовъ, бездорожной и нищей странѣ, только что переставшей быть крѣпостной, голодъ не угрожалъ такими бѣдствіями, какъ коммунистической 1921 г.?

Порожденные стихіей народной усталости „похабные“ власти будутъ уничтожены стихіей народнаго отчаянія, порожденнаго коммунистическимъ режимомъ „братства и любви“.

Русскій голодъ 1921 г. — апогей социалистическаго хозяйства и вѣчный памятникъ исторически осуществленнаго „научнаго социализма“ по рецептамъ пророка его Маркса.

Д. О. Лянскій.